

С.И. Гусева, В.В. Мавлеткулова

«СЛАБЫЕ» ФОРМЫ СЛОВА

В статье определяется статус «слабых форм слова», анализируются причины их появления в языке, обобщаются итоги эксперимента по восприятию русских усеченных форм слова носителями русского языка.

Ключевые слова: спонтанная разговорная речь, аллегорическая речь, слабые формы слова, редукция, компрессия, темп речи, вариативность сегментных единиц, восприятие речи

«WEAK» WORD FORMS

The article focuses on the status of «weak word forms», the analysis of their appearance origin in a language. Special attention is paid to the results of the experiment based on Russian reduced word forms perception by the native speakers.

Key words: spontaneous speech, allegro, weak word forms, reduction, compression, tempo, segments variability, speech perception

В настоящей статье речь пойдет о так называемых «слабых» формах слова (термин заимствован у Г. Майнхольда – «schwache Wortformen» [1]), факт существования которых в разных языках очевиден (например, в русском языке: [бум] – будем, [ч'ек] – человек, [качегр'а] – короче говоря; в немецком языке: [ham] – haben, [un] – und, [foralding] – vor allen Dingen и т.д.), что позволяет говорить об универсальном общеязыковом характере данного явления. Функционирование слабых форм ограничивается, как правило, устной формой общения и характерно для спонтанной разговорной речи, активное изучение которой началось сравнительно недавно.

Соединяющая в себе противоположные начала – автоматизм и творчество, дискретность и континуальность, линейность и многомерность – спонтанная речь на протяжении многих лет находилась на периферии фонетических исследований. Однако наблюдения за конкретными фактами речевого употребления, их анализ и систематизация неизбежно привели к изменению фокуса исследовательских интересов и сделали спонтанную разговорную речь одним из центральных объектов современной лингвистики [5, с. 6].

На важность изучения разговорной речи указывал академик Л.В. Щерба. Он отмечал, что именно в живой разговорной речи накапливаются элементы будущих языковых противопоставлений [2, с. 143]. Источником накопления фонетических изменений выступают в первую очередь участки речи, провоцирующие компрессию фонетических единиц: участки

быстрого темпа, малоинформативные отрезки высказывания, слова, характеризующиеся высокой частотностью в речи. Все эти факторы в совокупности с действием закона экономии произносительных усилий обуславливают появление сегментов неполного типа произнесения, редукции, эллипсиса, слабых форм слова.

Под «слабыми формами слова» понимаются такие формы, которые в результате редукции имеют на синтагматической оси измененный фонемный состав, отличающийся от фонемного состава слова, зафиксированного в орфоэпических словарях. Некоторые из таких компрессионных (аллегривных) форм постепенно кодифицируются. Большинство из них функционируют только в разговорной речи и, следовательно, являются стилистически маркированными. Их появление возможно лишь в контексте речи. Компенсаторная роль контекста в ситуации, когда затруднена реализация одной из основных функций фонемы – словоопознавательной, – обеспечивает идентификацию слабых форм при восприятии речи.

Таким образом, язык получает взрослые на почве редукции «слабые формы», сосуществующие с полными формами соответствующих слов. При этом степень компрессии слова может быть различной (например: [бс'ич] и [бш':] – Иосифович). Частое употребление «слабых форм» и, как следствие, закрепление редуцированного облика слова может привести к появлению своего рода «фонетического фразеологизма», значение которого не выводится из фонемного состава слова, а определяется лишь на основе соотнесения с полной формой слова. При этом фонемный состав слова в силу незнакового характера фонемных единиц, безусловно, не имеет никакого отношения к его значению, а служит лишь экспонентом («ярлыком», планом выражения, означающим), с помощью которого в данном языке передается то или иное значение.

Описание лингвистического статуса «слабых форм» невозможно без анализа причин, вызывающих их появление. Важнейшую роль в «ослаблении» форм слова играет быстрый темп речи.

Современные исследования, посвященные темпоральным характеристикам, убедительно свидетельствуют об их увеличении (так называемой аллегривации) в континууме спонтанной разговорной речи, приводящем к количественным и качественным изменениям звуков.

Как отмечает в своей статье «Об увеличении темпа разговорной речи» [3, с.116] Н. Афанасьева, ссылаясь на данные Л. Златоустовой, за последние сорок лет темп речи увеличился почти в два раза. Увеличение темпа разговорной речи, в свою очередь, ведет к увеличению редукции гласных, упрощению сложных звуковых комплексов, новым явлениям в словообразовании. В ходе проведенного на материале спонтанной речи эксперимента исследовательница пришла к выводу, что темп речи оказывает непосредственное влияние на сегментный состав слов: «...значительно возрастает частотность редукции как гласных, так и согласных звуков. В частности, выпадение гласных при их сочетаниях в речевой цепи и в позиции между согласными влияет в некоторых случаях на слоговую структуру, обуславливая ее изменение, например: куталась – [кúтльс'], запахом – [зáпхъм], такую, только чёрненькую – [тóкьч'брн'куиу], из университета – [изун'ирст'ётъ], пожалуйста – [пажáлсть]» [3, с.121].

Анализ спектрограмм слов быстрой речи показывает возможность исчезновения стационарного участка гласных. В эксперименте на материале русской речи, проведенном Л.В. Бондарко с целью изучения спектрально-временной картины ударного гласного в словах с медленным, нормальным и быстрым темпом, было установлено, что убыстрение темпа способно привести к таким же фонетическим последствиям, к каким приводит количественная и качественная редукция. Относительные характеристики одного и того же гласного при медленном,

нормальном и быстром произнесении очень напоминают относительные характеристики ударного гласного, гласного первой ступени редукации и гласного второй ступени редукации; причем это справедливо как для отношения гласных по длительности, так и для качественных различий (наличие стационарного участка при медленном или нормальном темпе и его отсутствие при быстром аналогично наличию этого участка в ударном и 1-м предупредном и отсутствию во 2-м предупредном или заударном) [4, с.158]. Изучение спектрально-временной структуры слов разного темпа речи позволило Л.В. Бондарко сделать несколько важных выводов, в частности о том, что:

1) сокращение длительности звука приводит именно к тем последствиям, к каким привела в русском языке редукация безударных гласных;

2) возможность возникновения в ударном положении гласного, близкого фонетически к безударному, свидетельствует о необязательности постоянного выделения ударного элемента в слове, его подчиненности фонетическим характеристикам высказывания;

3) изменения спектрально-временных характеристик гласных, связанные с темпом, неизбежно приводят к большой вариативности звукового облика высказывания и сближают его с фонетическим обликом спонтанной речи [там же, с. 159].

Важно подчеркнуть, что варьирование темпа в большинстве случаев связано с коммуникативной стратегией высказывания. В коммуникативной лингвистике темп рассматривается с точки зрения его функциональной нагрузки, как средство противопоставления важного не важному, информативно значимых отрезков текста – малоинформативным. Исследование, проведенное на материале немецкой и английской спонтанной речи, показало, что и гласные, и согласные на участках низкой информативной нагруженности характеризуются меньшей длительностью по сравнению с длительностью сегментов в сильной фразовой позиции [5, 6]. Важно, однако, подчеркнуть, что существование в подсистеме немецких гласных оппозиции по долготе – краткости накладывает определенные ограничения на варьирование длительности гласных. В русском языке в этом отношении наблюдается иная картина: поскольку противопоставление гласных по признаку долготы – краткости в фонологической системе отсутствует, русские гласные могут варьировать по долготе в довольно значительных пределах.

Таким образом, быстрый темп речи и положение слова в слабой фразовой позиции обуславливают высокую вариативность сегментных единиц, вплоть до полного их выпадения. При этом максимальной редукации подвержены наиболее частотные слова. В одной из новейших коллективных монографий, посвященных активным процессам в фонетике русского языка, наиболее частотные слова, испытывающие в слабой фразовой позиции максимальную компрессию, предлагается называть «компрессивами», а слова, подверженные неполной компрессии, – «частично компрессированными формами» [7, с. 24]. Анализируя реализацию фонем в компрессивах и частично компрессированных формах, авторы исследования отмечают, что в слабых фразовых позициях чаще всего элиминируются согласные /в/ и /j/; напротив, наиболее устойчивыми оказываются сибиллянты (свистящие и шипящие фрикативные), а также аффрикаты [там же, с. 25].

Сравнивая список полученных устойчивых согласных со списком Л.Р. Зиндера [цит. по: 7, с. 26], авторы монографии подчеркивают, что список устойчивых согласных у Л.Р. Зиндера шире, в отличие от него, по наблюдениям авторов, к устойчивым согласным нельзя отнести смычные и сонанты, поскольку в условиях компрессии они обычно утрачиваются [с. 26]. Этот факт, зафиксированный спустя полвека после того, как были опубликованы данные Л.Р. Зиндера и др.,

может быть косвенным подтверждением правоты высказывания Л.В. Бондарко о распространении, особенно среди молодежи, просторечия, проистекающего из небрежности речи представителей молодого поколения. Минимальный раствор рта при артикуляции гласных, недостаточное сближение и смыкание артикуляторных органов при произнесении согласных – такие особенности, характерные для речи молодежи, дают в конечном итоге смазанную в акустическом и артикуляторном плане картину, речь становится неразборчивой, что подкрепляется еще и ее малой громкостью или быстрым темпом [8, с. 257].

Одним из факторов, определяющих просторечную окраску, является чрезмерное упрощение групп согласных [там же]. Известно, что в русском языке, как и во многих других языках, сокращение сочетаний согласных вписывается в рамки орфоэпического стандарта. Однако наблюдающаяся в речи молодежи тенденция к чрезмерному упрощению групп согласных получила столь широкое распространение, что нередко не произносятся и согласные, обязательные с орфоэпической точки зрения, например: /grus'/ вместо /grus't'/, /l'is'ja/ вместо /l'is't'ja/ [там же, с. 258]. Речевой портрет современного молодого человека содержит слова, получившие редуцированный фонетический облик в силу их высокой частотности и по этой причине легкой предсказуемости, например: когда [kada], тогда [tada], сколько [skoka] и т.д. «Эти усеченные формы, безусловно, накладывают на все высказывания отпечаток просторечия, особенно в случае, если они сопровождаются общей небрежной артикуляцией» [8, с. 257].

Дополнительные коннотации, возникающие при восприятии «слабых» форм слова, вызывают законный интерес лингвистов и являются объектом экспериментального анализа при изучении разговорной речи. Так, в работе Н.В. Богдановой и Д.А. Пальшиной, посвященной семантической дифференциации полной и редуцированной форм слова «жизнь» (жизнь – жись/жысь), установлено, что разница в значении этих форм ощущается практически всеми (как старшими, так и младшими) носителями русского языка: «жизнь» – понятие более философское, возвышенное по сравнению с «жысь»; «жысь» – сложнее, тяжелее, безрадостнее, в целом хуже, чем «жизнь» [9, с. 55]. Большинство респондентов относят форму «жысь» к сниженному стилистическому пласту лексики (от разговорно-бытового до грубо-просторечного) и приписывают ей целый спектр оценочных помет – пренебрежительное, шутливое, ироническое, экспрессивное [там же].

Мы провели аналогичный перцептивный эксперимент, увеличив экспериментальную базу исследования до 30 лексических единиц. Отбор материала осуществлялся на основе результатов анкетирования русских студентов с целью выявления «слабых» форм слова. Кроме того, учитывались данные Национального корпуса русского языка и данные о частотности словоформ из Корпуса русского литературного языка [10, 11]. Экспериментальный массив нашего исследования приведен в следующей таблице:

№	Полная форма	«Слабая» форма
1	2	3
1	быстро [бы↔стрь]	быро [бы↔ръ]
2	пошел [пъ↔шол]	пшел [пшо↔л]
3	естественно [есте↔ств'ен:ъ]	естесно [есте↔снь]
4	понимаешь [пънима↔еш]	паэшь [па↔эш]
5	ладно [ла↔днъ]	лана – лан [ла↔н]
6	разрешите [ръзр'еши↔т'е]	ршите [рши↔т'е]
7	насколько [нъско↔л'къ]	наскока [нъско↔къ]

8	слышишь [слы↔шыш]	слышь [слы↔ш]
9	очень [о↔ч'ень]	оч [о↔ч']
10	хочешь [хо↔ч'еш]	хошь [хо↔ш]
11	правильно [пра↔в'ил'нь]	прально [пра↔л'нь]
12	здравствуйте [здра↔ствуйт'е]	здрасьте [здра↔с'т'е] – здрась [здра↔с'] – дрась [дра↔с']
13	сейчас [с'еча↔с]	щас [ща↔с] – ща - [ща↔]
14	наверное [н'вь'ер'нье]	наэрно [н'вьэ↔р'нь] – наэрн [н'вьэ↔рн]
15	говорить [г'вьр'и↔г']	грить [гр'и↔г']
16	привет [пр'ив'е↔т]	приэт [пр'иэт]
17	семьдесят [с'е↔м'д'ес'иат]	семьсят [с'е↔м'с'иат]
18	человек [ч'ельв'е↔к]	чек [ч'е↔к]
19	тысячный [ты↔с'иачный]	тыщный [ты↔щ'ный]

Продолжение таблицы

1	2	3
20	собственно [со↔бств'ен'ъ]	собсно [со↔бснъ]
21	болезнь [б'ъл'е↔з'н']	болесь [б'ъл'е↔с']
22	девушка [д'е↔вшкь]	дешка [д'е↔шкь]
23	так сказать [т'ькс'ьза↔г']	тскасть [тска↔г']
24	жизнь [жы↔з'н']	жысь [жы↔с']
25	пожалуйста [п'ьжа↔лусть]	пожалста [п'ьжа↔лсть] – пжаста [п'ьжа↔сть]
26	сколько [ско↔л'кь]	скоко [ско↔кь] – скок [ско↔к]
27	короче говоря [к'ьро↔ч'ег'вьр'иа↔]	кочегря [коч'егр'иа↔]
28	спасибо [сп'си↔бь]	пасибо [п'сьи↔бь] – пасиб [п'сьи↔б]
29	пятьдесят [п'иат'ес'иат↔т]	пийсят [п'иис'иат↔т]
30	товарищ [т'ва↔р'ищ']	тарищ [та↔р'ищ']

Перед участниками эксперимента – носителями русского языка в возрасте от 20 до 35 лет, владеющими орфоэпическим стандартом русского языка, – была поставлена задача описать свое понимание редуцированной формы по сравнению с полной.

Результаты исследования восприятия редуцированных форм русских слов показывают, что многие из них имеют ряд особенностей функционирования, появляются новые коннотации в семантике и стилистике старых слов. Практически все информанты в меньшей мере отмечают семантическую и в большей степени стилистическую разницу между полной и краткой формами слов. Обобщение результатов перцептивного эксперимента позволило сделать следующие выводы:

1. Все представленные словоформы в своем аллегривом варианте ассоциируются с разговорным стилем речи.

2. 63% представленных для исследования аллегривых «слабых» форм слов обнаружили отличное от словарных статей семантическое содержание.

3. Словоформа «жысь», исследование которой уже проводилось Н.В. Богдановой и Д.А. Пальшиной [9], обнаружила отличную от результатов их исследования семантическую наполненность. В нашем исследовании обнаружилось, что «жысь» может означать не только «жизнь с отрицательным значением», но и необычайно богатую и хорошую жизнь, вызывающую зависть у окружающих.

4. 93% аллегорических словоформ заключают в себе дополнительную коннотацию, которую можно учитывать в качестве стилистических помет. Только 7% исследуемого материала (числительные «пийсят» и «семьсят») не несут в себе никакой оценочной характеристики.

5. 90% представленных словоформ имеют гендерную и социальную специфику употребления.

«Судьбу» «слабых» форм слова определяет время. Некоторые исчезают и становятся фактами определенного, нередко очень короткого исторического периода в развитии языка. Другие, как справедливо отмечается в литературе, пройдут путь «из речи в язык» и рано или поздно (как уже не раз случалось в истории языка) закончат его полной лексикализацией и получением лексикографического описания, ср.: спасибо (из спаси Бог), пожалуйста (из пожалуйста, сударь), почти (из почитать - 'считать'), бы (из быть), мол (из молвил) и т. д. [9, с. 53]. Существование «слабых форм» дает богатый материал для исследователей различных направлений лингвистики и позволяет получать новые интересные данные о функционировании языковых единиц в континууме спонтанной разговорной речи. Для теоретической лингвистики анализ полной и неполной форм, порой значительно различающихся по своему фонемному составу, – хороший способ получения дополнительных подтверждений конвенциональной природы языка, а также автономного, независимого характера фонемы.

-
1. Meinhold, G. Deutsche Standardausssprache. Lautschwächungen und Formstufen. – Jena, 1973.
 2. Щерба, Л.В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слова. Языковая система и речевая деятельность. – М.: КомКнига, 2007. – С. 141-146.
 3. Афанасьева, Н.И. Об увеличении темпа разговорной речи // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 9. – С. 119-124.
 4. Бондарко, Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. – Л.: ЛГУ, 1982. – 199 с.
 5. Гусева, С.И. Коммуникативная перспектива и реализация сегментных единиц. – Благовещенск: АмГУ, 1998. – 153 с.
 6. Реализация фонетических единиц в информационной структуре высказывания: кол. монография / отв. ред. С.И. Гусева. – Благовещенск: АмГУ, 2006. – 272 с.
 7. Русская фонетика в развитии. Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / отв. ред. М.Л. Каленчук, Р.Ф. Касаткина. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 464 с.
 8. Бондарко, Л.В. Фонетика современного русского языка: Учебное пособие. – СПб.: СПбГУ, 1998. – 276 с.
 9. Богданова, Н.В., Пальшина, Д.А. Редуцированные формы русской речи: о разных моделях языковой эволюции // Человек говорящий: исследования XXI века: кол. монография / под ред. Л.А. Вербицкой, Н.К. Ивановой. – Иваново: Иван. гос. хим.-технол. ун-т, 2012. – С. 51-58.
 10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruskorpora.ru>
 11. Корпус русского литературного языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://narusko.ru>